

18+

Екатерина Рогачёва

**ХОРОШО, КОГДА ТЫ
СОЛНЦЕ**

Екатерина Рогачёва

Хорошо, когда ты солнце

«Издательские решения»

Рогачёва Е. А.

Хорошо, когда ты солнце / Е. А. Рогачёва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-533231-8

Много ли места у нас в сердце? Сколько грамм веры и надежды оно вмещает, сколько страха и боли способно вынести? Герои этих рассказов снова и снова, день за днём, история за историей, отвечают на эти вопросы. Они любят и ненавидят, ждут чудес и уже не верят ни во что, совершают подвиги и просто живут. Ведь жизнь — это самый большой подвиг. Подвиг, на примере которого стоит поучиться.

ISBN 978-5-00-533231-8

© Рогачёва Е. А.
© Издательские решения

Содержание

Хорошо, когда ты солнце	6
Самое главное	9
Хватай, пока не ушёл	17
Ожидание чуда	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Хорошо, когда ты солнце

Екатерина Александровна Рогачёва

© Екатерина Александровна Рогачёва, 2021

ISBN 978-5-0053-3231-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хорошо, когда ты солнце

– Кажется, солнце обидели, – задумчиво произнесла девушка, сидевшая рядом с Наташей. От неожиданности Наташа вздрогнула и повернулась в её сторону, но попутчица по-прежнему задумчиво смотрела в окно.

Автобус тряхнуло на ухабе, и какая-то бабка на переднем сиденье шумно и визгливо окрысилась на водителя:

– Чай, не дрова везешь, мог бы и поосторожнее. Или зенки залил, что дорогу не видишь?

– А ты бы, бабуля, пешком ходила, – немедленно огрызнулся тот. – Трясти меньше будет.

Бабка продолжила возмущаться. Где-то в хвосте автобуса, наверное в десятый раз за последние пять минут заканючил ребёнок:

– Мам, я пить хочу.

– Уймись! – рявкнула в ответ мать. – Где я тебе попить возьму? Жди, когда приедем.

Крыша автобуса дышала жаром на взмокших раздражённых пассажиров. Подрагивающий, словно желе, на каждой кочке спёртый воздух в салоне лизал горячими языками лицо, шею и обнажённые руки. «Тут ехать-то двадцать минут», – тоскливо подумала Наташа. Всего двадцать минут на машине. А эта коробочка с лягушонками будет тащиться полный час.

Сидящий напротив мужик в пропахшей потом растянутой футболке всхрапнул, и Наташу передёрнуло. Бабка продолжала ругаться с водителем.

– Ма-а-а-ам! – протяжно и противно тянул ребёнок. «Нет, не с лягушонками», – отмела она предыдущую мысль. «С жабами. Скорей бы доехать».

– Что ты сказала? – переспросил у Наташиной попутчицы её спутник, неряшливый парень лет двадцати пяти, вынимая из уха наушник.

– Солнце, говорю, обидели, – повторила та. – Кусается, а не гладит.

– Мама, а солнце кусается? А где у него зубы? – тут же сменил пластинку услышавший последнюю фразу ребёнок. – Ну, ма-а-ам, ну скажи.

Дребезжа, автобус притормозил на остановке. Дверь, скрипнув пронзительно, словно ножом по стеклу проехали, распахнулась.

– Сынок, подай-ка мне руку, – попросила очередная пассажирка. – А то сумка тяжёлая, без помощи не влезу на ступеньки.

Мужик в футболке не сразу сообразил, что обращаются к нему, потом поморщился и открыл рот, явно готовясь предложить неожиданной просительнице справиться своими силами. Пассажиры притихли, прислушиваясь. Но он вдруг махнул рукой и протянул вниз широкую костлявую ладонь.

– Давай, мать, хватайся.

– Спасибо, сынок, – весело заявила кругленькая седенькая старушка, поднимаясь в салон. За собой она тащила действительно огромную сумку. Присела на свободное сиденье, ухватилась за спинку, когда автобус резко дёрнулся, трогаясь с места. Потом улыбнулась и наклонилась к своему багажу, чтобы достать деньги или проездной.

«Вот хватает же сил у человека ещё и улыбаться», – с невольной завистью подумала Наташа и отвернулась к окну. Там тянулась выгоревшая по жаре пыльная грунтовая дорога. Ещё неделю, и можно будет забирать машину из ремонта. И ездить тогда к тёте Маше по-человечески, не мучаясь в этих переполненных, душных, медленных, как улитки, пригородных автобусах. Тётя Маша старенькая, она без помощи не обойдётся. Но какая там помощь, когда выпадаешь из этого раскалённого гроба на колёсах полуживая, пропылённая, с отдавленными ногами и пополненным словарным запасом, с тошнотой от укачивания и чужого перегаара.

Симпатичная старушка наконец справилась с молнией на сумке, распахнула брезентовые створки. И салон вдруг наполнился свежим сладким ароматом спелой земляники. Прямо под молнией стояло маленькое ведёрко с ягодами, прикрытое марлей.

– Ух ты! – как-то совсем по-детски выдохнул мужик в растянутой футболке, принюхиваясь.

– Лесная, – гордо сказала старушка, отсчитывая монетки и передавая водителю. – Самая спелая.

Автобус примолк. Невероятный, неуместный в этом раздражённом пекле аромат мягко толкнулся в стенки, будто раздвигая их, обдавая пассажиров свежестью, как морская волна. Казалось, даже жара отступила.

– А много нынче земляники в лесу? – мирно поинтересовалась только что скандалившая бабка.

– Хватает, – отозвалась хозяйка ведёрка.

– И вкусная?

– Так вы попробуйте.

Земляника была немедленно извлечена из сумки, чистая марлечка снята, и несколько растерянная любопытствующая бабка уже держала ведёрко в руках.

– Эх! – проводил завистливым взглядом ягоду мужик в футболке. – Вот, помню, мы по детству тоже собирали. Сла-адкая была.

– И ты угощайся, сынок, – предложила радушно седенькая старушка. Мужик бережно, как святыню, взял к себе ведёрко, осторожно понюхал и подхватил одну ягодку. На его небритой усталой физиономии светилась какая-то робкая, чистая, детская улыбка.

– Мама, я тоже хочу, – сказал хотевший пить ребёнок.

– Бери, бери, милый, – расцвела улыбкой старушка, опережая уже сдвинувшую сурово брови мать. – И ты, дочка, бери, не стесняйся. Она вкусная нынче, грех не попробовать.

Маленькое ведёрко пошло по рукам. Пассажиры неуверенно поглядывали на владелицу, а та благодушно кивала и улыбалась всем.

– Берите, берите. Небось, давно такого не едали. Угощайтесь.

Скандальная бабка наклонилась и взяла несколько ягодок вне очереди, торопливо объяснив:

– Водителю, водителю нашему. А то что он, бедняга, все едят, а он слюни глотает.

Кто-то рассмеялся. Водитель тоже фыркнул и благодушно заметил:

– Действительно, пахнет так, что только и облизываться.

Когда ведёрко оказалось у Наташи, она тоже запустила туда пальцы. И растерянно замерла.

– Что такое, дочка? – спросила старушка, внимательно глядя на неё. – Не хочешь?

Наташа молча наклонилась и показала ведёрко. На доньшке лежала одинокая крупная земляничина.

– Тут всего одна осталась, – сказала она тихо.

– Так бери её себе.

– А как же вы? Вы же себе собирали.

– Доченька, – старушка хихикнула. – Я ж себе ещё собираю. Лес большой, всем хватит. А тут людям радость.

Наташа не ответила. Ярко-алая ягода просилась в руки, манила к себе. Наташа осторожно сунула её в рот и ощутила вкус сладкого свежего сока. Такое, наверное, счастье на вкус, подумалось ей вдруг. Захотелось прикрыть глаза и сидеть так вечно в жарком автобусе, наполненном притихшими сосредоточенными людьми. Ехать по пустынной пыльной дороге, вздрагивая на ухабах, и держать во рту последнюю лесную земляничину с запахом счастья.

– Ой! – спохватилась вдруг старушка. – Моя остановка-то. Вот старая, бестолковая, чуть не проехала. Отдавай-ка ведро, доченька.

Выхватив у Наташи пустую тару, она торопливо убрала её в сумку и поднялась с места. Автобус с визгом затормозил, дверцы распахнулись.

– Давай помогу, – вскочил и мужик.

– Вот спасибо, сынок, да я уж сама, сама, – старушка ловко подхватила сумку и спустилась по ступенькам вниз. Дверцы закрылись, и автобус тронулся.

Все сидели молча, глядя в окно.

– Нет, – вдруг абсолютно серьёзно сказал ребёнок в полной тишине. – Солнце не кусается. Я бы, если бы был солнцем, не кусался бы. Мама, а правда хорошо, когда ты солнце?

Мать не ответила. В салоне было тихо. И надоедливая жара стыдливо пряталась по углам под креслами, боясь спорить с тонким, лёгким, невесомым, как полузабытый сон, ароматом земляники, витающим в воздухе.

Самое главное

Уже много лет ей снился один и тот же сон. Будто стоит она на высоком холме и смотрит вниз. Её чуть трясёт от озноба, ветер мокрой холодной лапой гладит плечи. Страшно. Но она не может двинуться с места, вздохнуть, даже губы не шевелятся в беззвучном крике. Она смотрит вниз, туда, где на чужой земле, под чужим небом, в дыму и пламени, идёт бой. Вздрагивает от каждого удара снаряда о землю, крепко стискивает руки, не позволяя себе прикрыться ими в защитном жесте. Не может отвести глаз от гибнущих внизу людей, от моря крови, отчётливо видимого и чувствуемого ею с её холма. Хочет и одновременно до дрожи боится зажмуриться. Потому что знает – там, в этом аду, в смещении жизни и смерти под её ногами, невидимый в куче металла и человеческих тел, он. Тот, ради которого она здесь. Тот, которого до сих пор ждёт. Тот, в надежде увидеть которого, она и стоит здесь раз за разом, год за годом, удар за ударом сердца.

От очередного взвизга снаряда это самое сердце сжалось в комок и ухнуло вниз. Левую сторону груди пронзила боль. Чуть не подавившись воздухом, Евгения Васильевна открыла глаза. И сразу навалилась тишина, которая и должна была присутствовать в квартире одинокой пенсионерки, да ещё и в пять утра.

Сердечные таблетки лежали на тумбочке, там же стоял стакан воды. С трудом дотянувшись дрожащими пальцами до лекарства, Евгения Васильевна неловко двинула стакан. Вода расплескалась по полу, стеклянная ёмкость глухо брякнула об пол.

– Старая дура, – пробормотала женщина с досадой. – Не разбила, и то хорошо.

Таблетку пришлось глотать так. Ощувив на языке противный привкус, Евгения Васильевна поморщилась. Иногда ей казалось, что она напрасно мучается. Успокоилась бы, не боролась, закрыла бы глаза да потерпела бы, пока невыносимо острая боль, терзавшая грудь, сменится тёмной вязкой тишиной. Она уже достаточно пожила, пора и честь знать. Но глупое упрямство заставляло цепляться за каждый рассвет, вставать по утрам, пить таблетки, передвигать непослушные больные ноги, мучиться и всё равно бороться за каждый день.

Боль потихоньку отпускала. Евгения Васильевна бездумно рассматривала потолок, соображая, чем заняться сегодня. Подруг давно у неё не осталось, мало кто доживает до её лет. Родственники далеко, на другом конце города. Можно, конечно позвонить и попросить приехать. Да только зачем? У них свои дела, своя жизнь, и не очень-то нужна им больная старуха. По телевизору смотреть нечего, не понимала и не любила Евгения Васильевна нынешних передач. А читать – глаза давно не те. Вот разве с соседской девчонкой поболтать. Хорошая девочка, добрая, и чем-то напоминает саму Евгению Васильевну в юности. Не любила она высказываний о том, что молодёжь нынче плохая, испорченная. Молодёжь всегда одинаковая, любопытная, исследующая жизнь на вкус, живая. Юность только ей достаётся разная. Кому, как соседке, интернет и дискотеки, кому, как ей самой, работа на заводе в тылу и сводки с фронта.

Она наконец, не спеша, дошла до кухни, заварила себе чаю и села с чашкой за стол у окна, наблюдая, как над крышами занимается утро. Ещё один день. Они у неё теперь как монетки, ценные, наперёчет. Каждый может оказаться последним, переполнив собой копилку прожитых лет.

Женщина не знала, сколько так просидела, глядя куда-то внутрь себя. Из забытья её вывел резкий звук. Телефон. Старенький, домашний, ещё с диском, который нужно крутить, набирая номер, и дребезжащим звонком. Родня пыталась и мобильный Евгении Васильевне купить, и этот аппарат поменять на что-нибудь, более современное. Отказалась. Ну зачем ей это? И запоминать, как новыми устройствами пользоваться, тяжело, да и милее старый привычный телефон. Почти друг, товарищ по прожитым годам. С ним веселее. И слышно его хорошо, а в её годы это важно.

– Кто бы это? – пробормотала она сама себе, с кряхтением поднимаясь со стула. Глянула на часы. Девять. Вот так теперь всегда, время убегает, не заметишь. А, кажется, только-только пять было. Трудно в старости следить за временем, оно быстрее двигается, чем ты.

– Алло, – сказала она в трубку. На том конце провода помолчали, потом приятный женский голос спросил:

– А можно услышать Иванову Евгению Васильевну?

– Здравствуйте. Можно. Это я.

Голос был незнаком. Но что-то заставило Евгению Васильевну вслушаться, покрепче прижать трубку к уху.

– Здравствуйте, – сказала женщина. – Евгения Васильевна, я из поискового отряда нашего города. Тут такое дело...

Она как-то замялась, потом ещё более неуверенно добавила:

– Вы только не волнуйтесь. Скажите, пожалуйста, знали ли вы Никодимова Александра Николаевича, двадцать четвертого года рождения?

Сердце, словно в том самом сне, сжалось, а затем ухнуло вниз, больно ударяясь в полете обо что-то. Чувствуя, как резко холодеют руки, Евгения Васильевна почти упала на банкетку возле телефона и смогла лишь выдохнуть немеющим губами:

– Вы нашли его?

– Нашли, – сказала женщина.

– Где?

Голос не слушался. По щекам текли слёзы, а сердце болело всё сильнее. Надо бы таблетку, мелькнуло в голове, но Евгения Васильевна тут же с неожиданной злостью оборвала мысль. Потом таблетки, потерпит сердце. Она этого звонка ждала столько лет.

– На Смоленщине.

Женщина говорила с явным сочувствием, видно, не первый раз ей приходится сообщать такие новости. После некоторой паузы она предложила:

– Давайте мы приедем и всё вам расскажем. Ну, или вы к нам.

«Нет уж», – подумала Евгения Васильевна. «Я теперь и из подъезда-то не смогу выйти без помощи, ноги не удержат».

– Приезжайте, – сказала она. И, не удержавшись, шёпотом попросила:

– Только быстрее, пожалуйста.

Поисковики не подвели. Не прошло и часа, как та самая женщина и молодой парнишка в очках уже сидели на кухне Евгении Васильевны, разложив на столе какие-то бумаги.

– С нами связались наши коллеги из Смоленска, – рассказывала женщина. От волнения Евгения Васильевна никак не могла вспомнить, как ту зовут, хотя собеседница и представлялась. Парень же вообще старался слиться со стеной и привлекать как можно меньше внимания. Кажется, ему было очень неудобно смотреть на растерянную, поминутно вытирающую глаза старую женщину, и не знать, чем помочь. А чем тут можешь?

– К великому сожалению, отыскать кого-либо из живых, помнящих Александра Николаевича в лицо родственников, не удалось. Только племянница. Но она родилась уже после войны и, соответственно, никогда родного дядю не видела.

– Племянница, – эхом повторила Евгения Васильевна. – Помню, да, был у Саши брат. Маленький ещё, ему лет семь было, когда Саша на фронт уходил.

– Восемь, – поправила поисковичка. – Виктор Николаевич Никодимов.

– Да-да, Витя.

Голос прерывался. Пришлось встать и дрожащими руками налить себе воды. И сунуть-таки в рот ненавистную таблетку. Под внимательными взглядами гостей Евгения Васильевна села на место и продолжила уже более ровным тоном.

– Когда Саша уехал, я часто бывала дома у его матери и братишки. Она вдовой была, тяжело приходилось. Когда у нас в городе завод запустили для нужд фронта, мы с ней туда работать вместе пошли. А Витя, помню, матери обеды носил. То хлеба, то картошину варёную.

Её слушали, не перебивая. Наверное, всё это было поисковикам уже давно известно, ведь существовали архивы. Кто где родился, чем занимался и когда умер не было тайной. Но слова сами лились, словно не Евгения Васильевна это говорила, а семнадцатилетняя Женя, растворявшаяся в метели фронтовых лет, угасшая, как огонёк свечи под холодным ветром тыловых будней и бесконечного страха. Страх услышать завтрашнюю сводку, страха проснуться ночью от воя соседки, получившей похоронку и страха обнаружить такую же в своём почтовом ящике. Страх не проснуться утром или упасть за смертью вечером у станка на заводе. Перед глазами Евгении Васильевны были сейчас не архивы и даже не события. Только лица, лица, лица. Живые люди.

– Она умерла в сорок четвёртом, – продолжила она после паузы. – Кто-то из её приятельниц написал на её родину, нашлась дальняя родня, Витю и забрали. Больше мы и не встретились.

– Он вас очень хорошо помнил, – сказала поисковичка. – Его дочь, Мария Викторовна, нашла несколько его писем своей жене, написанных, когда он был на лечении в санатории. Он помнил ваше имя, помнил, что у вас были длинные волосы. Помнил, что вы работали с его матерью. И как помогали им, и как вместе читали письма от его старшего брата.

– Читали, – снова эхом повторила Евгения Васильевна. – Было дело.

Она прибежала в маленькую комнатку в бараке, как только узнавала о новой весточке. Знала – без неё не вскрыют. Садилась за стол, ставили посередине свечу, чтоб лучше видеть. Женя разворачивала серую бумагу и первым делом убеждалась – письмо написано родным, знакомым, ровным ученическим почерком. Саша так ещё со школы писал, Женя это прекрасно помнила. А потом начинала вслух разбирать написанное. Сашина мама незаметно утирала слёзы и осторожно трогала краешек письма. Знала, что его касались руки сына. «Господи, да она почти вполнину младше меня была тогда», – подумалось вдруг Евгении Васильевне. И Витька малец совсем был. Вихрастый, глаза на пол-лица. «А ведь этот мальчик уже умер от старости. А я всё живу».

– Мария Викторовна сейчас живёт в Москве. Она хотела бы приехать на могилу дяди вместе с вами, – сказала гостя. – Если вы, конечно, сможете поехать.

Евгения Васильевна впервые внимательно глянула на неё с искренним неподдельным удивлением.

– Как же это я не поеду? – не поняла она. – О чём вы?

Её собеседница улыбнулась грустно и очень светло.

– Знаю. Я так, на всякий случай, спросила. Никто на моей памяти ещё ни разу в такой ситуации не отказался.

Проводить гостей Евгения Васильевна вышла к подъезду. Понимала, что не усидит сейчас дома. Не хватало воздуха. Поисковики взяли у неё телефон её родственников, чтобы решить с ними все организационные вопросы, обещали на днях позвонить и сообщить, на какую дату куплены билеты. Ехать хотелось немедленно, прямо сейчас. Под натиском жадного нетерпения и желания оказаться там, рядом с Сашей, отступали и усталость, и старческие хвори, и страх не перенести дорогу. Её спрашивали насчёт сопровождения. Она сказала, что поедет одна. Нет, родня бы её не бросила, кто-нибудь бы помог, съездил, но... Евгении Васильевне не хотелось ничего присутствия рядом в пути. С любым человеком придётся разговаривать, да он ещё может и вопросы начать задавать. А ей нужна была тишина. Внутри сплелся хрупкий кокон надежды, нежности и облегчения пополам с болью. Таким не получится делиться, такой вообще нельзя трогать чужими руками и голосами. Евгения Васильевна должна была поехать одна.

Распрошавшись с поисковиками, она обессиленно присела на лавочку у подъезда. Было холодно. Суровые края, где зима наступает рано, а весна поздно. Евгения Васильевна сидела, сложив руки на коленях и глядя куда-то вдаль. Её снова затягивало в омут воспоминаний, зыбкий, туманный, призрачный. Что-то много в последние часы воспоминаний.

– Бабушка Женя, а чего вы здесь сидите?

Звонкий голосок заставил поднять глаза. У лавочки стояла та самая соседская девчонка, что приходила на ум ранним утром. Зелёные глаза в яркой подводке, шарф до самого носа при распахнутой куртке, рюкзак на плече. Из школы возвращается, не иначе.

– Так чего вы здесь сидите, бабушка Женя? – снова спросила девочка. И Евгения Васильевна поняла, что ничего не ответила до сих пор. Сидела и молча смотрела на стоящую перед ней олицетворённую юность. Сердце вдруг обдало неожиданной тёплой волной. Бабушка. Мягкое слово, ластящееся к душе, особенно когда своих внуков нет. Пусть хоть неродная, а назовёт.

– Помочь вам домой дойти?

Теперь уже в голосе девочки звучало беспокойство. Евгения Васильевна улыбнулась и покачала головой.

– Не надо, Вика. Всё хорошо. Посиди со мной минутку.

Девчонка послушно присела рядом, помолчала немножко, а потом спросила:

– А что это за люди были? Вы квартиру, что ли, продаёте?

Мимолётно удивившись странной логике, женщина снова качнула головой.

– Нет. Не продаю. Мне отсюда, если уж и выезжать, то напрямиком на кладбище.

– А кто тогда?

– Эти люди, – медленно сказала Евгения Васильевна, – принесли весточку от очень дорогого мне человека.

– Письмо, что ли? Так вроде у нас другой почтальон был.

Вика не понимала. Как хорошо, вдруг подумалось Евгении. Как хорошо, как замечательно, что ты не понимаешь. Не дай тебе бог никогда понять, как можно семьдесят лет ждать вестей от человека.

– Не письмо.

Она потёрла озябшие ладони друг о друга. Помолчала. Вика ждала.

– Понимаешь, – женщине хотелось подобрать самые правильные слова, чтобы донести, чтобы собеседница поняла и приняла. – Тебе вот сейчас сколько? Четырнадцать?

– Пятнадцать, – недоумённо поправила Вика.

– Когда я была чуть постарше тебя, у меня был жених.

– Жених?

Вика широко раскрыла глаза. Что именно показалось ей таким удивительным – наличие жениха у древней бабки-соседки или желание той о нём поговорить? Евгения Васильевна усмехнулась.

– Жених, – повторила она. – Мы с ним в одном классе учились. Ну, когда учились, он ещё не был моим женихом. А вот сразу после выпускного, на следующий день, и стал.

– А потом? Вы поженились?

– А потом он уехал на фронт. Добровольцем, – сказала Евгения. – И больше не приехал. Два года писал он. А через два написали за него. Мол, пропал без вести ваш жених. Вот так и закончилось всё.

– И всё?

Тон у Вики был недоверчивым и разочарованным. Ей явно хотелось тайн, страстей и неземной любви. Любви. Да была ли она вообще? У молоденьких парнишки с девчонкой, полных планов и ожиданий, полных счастья и предвкушения новой жизни. Была влюблённость, были смущённые взгляды исподлобья, румянец на щеках, надутые губы и нарочитое пренебрежение. Была ночь выпускного. Парни в костюмах, девочки в цветастых платьях, смех и звон-

кие молодые голоса. Радостные, опьяненные неожиданным, непривычным чувством взрослости, они гуляли по набережной, читали вслух стихи, планировали, кто куда дальше пойдёт учиться. К полуночи ветер стал холодным, и Женя, вдруг озябнув, обхватила себя руками за плечи. А минуту спустя на те же самые плечи лёг тёплый пиджак. И не было ни одного слова, и не нужно было ни одного. Только переполняющее через край счастье с привкусом легкого стыда и страха – ой, что же я делаю. А ну как кто увидит?

И было утро, когда проснувшиеся уже по домам выпускники узнали, что привычная, известная на вчера и распланированная на завтра, жизнь закончилась. Рухнула, как карточный домик. И непонятно стало, что делать с этими её остатками дальше.

Женина тётка тихонько вытирала слёзы, как-то ожесточённо намывая пол. Женя её понимала. Немолодая женщина уже знала, что такое война, и не одна. И наголодаться успела, и по городам и весям ноги потоптать, и на голой земле поспать, и родителей потерять, и овдоветь. Давно уже они одни с племяншкой остались. И теперь читались в глазах тётки страх и злость на судьбу-злодейку.

В занавешенное окошко глухо стукнул камешек. Женя с тёткой одновременно вздрогнули, но ни одна не подошла, не глянула, кто там.

– Иди, – сказала тётка через минуту. – Это тебя. Не те мои годы уже, чтоб мне парни камушки в окно кидали.

И ни тебе упрёков, ни сурового: «Не пуцу». Не до того было.

У крыльца дома стоял Саша. Встрёпанный, напряжённый, он подался вперёд, увидев Женю, потом замер, неловко откашлялся и предложил:

– Пойдём прогуляемся?

Она пожала плечами. Зашагали вдоль улочки, под зелёными деревьями. Ещё вчера Женя боялась бы чужих глаз, сегодня было уже всё равно. Внутри дрожало перепуганным зайцем предчувствие беды.

– Я на фронт уезжаю, – сказал Саша. – В военкомат с утра ходил.

– Как на фронт?

Женя растерялась. Она понимала, что начнётся мобилизация, что мужчины пойдут воевать, но то другие, взрослые, сильные. Не Саша.

– А так, – отрезал он.

– Тебе же ещё восемнадцати нет, не возьмут.

Саша помолчал, потом глухо сказал:

– Мы с Петькой и Мишкой решили, припишем себе по году, вдруг не заметят. Не заметили. Там не мы одни такие. Видели парней и из других школ.

Жене нечего было сказать. Вот и молчала, чувствуя, как затапливает душу чёрный беспросветный холод.

Саша вдруг остановился, развернулся к ней и как-то жалобно сказал:

– Ты только пойми. Как я по-другому? Кто я буду, если не пойду? Нельзя так, не могу.

– Понимаю, – отозвалась Женя. А голове мелькнуло: «А кто же я буду, если начну плакать и просить не ехать, остаться?»

– Я чего пришёл-то, – помолчав, сказал Саша. Впервые взял Женю за руку. Тепло, невесомо и очень бережно. Посмотрел в глаза. Может, и не будет другого случая...

Он замялся, потом резко, как в воду прыгая, спросил:

– Как вернусь, выйдешь за меня замуж?

Женя смотрела ему в глаза, голубые, красивые, родные глаза. И понимала, что вот в этот миг решается её судьба. И, если сейчас она не согласится, то всё пойдет неправильно, не так.

– Выйду, – ответила она.

Тёплое июньское утро таяло перед глазами, сменяясь серым осенним днём. Таяло время, десятилетия между ними, как снежинки на ладони. Таяла и исчезала юная решительная Женя, оставаясь старухой на лавочке у подъезда. Евгения Васильевна вздохнула.

– Он погиб, да? – спросила Вика рядом.

– Как оказалось, да. На Смоленщине.

– А это где?

«Чему вас в школе учат?» – хмыкнула про себя Евгения Васильевна.

– Это далеко, очень далеко.

– Вам, наверное, хотелось побывать у него? – в голосе девочки звучало искренне сочувствие и какая-то недетская проникательность.

– Вот и поеду. Затем гости ко мне и приходили.

– Как же вы поедете, вы же еле вниз, на улицу, спускаетесь? – выдала Вика. И тут же смутилась. – Ой, извините. Я не про то, что вы старая, то есть...

Она окончательно запуталась и умолкла. Евгения Васильевна улыбнулась, глядя на её растерянное лицо.

– Так то вниз. Не так важно. А как не поехать к тому, которого ждала столько лет?

– А все говорят, что в таком возрасте серьёзно любить нельзя. – Вика поморщилась, явно цитируя кого-то из взрослых. И с уважением глянула на Евгению Васильевну. – А вы вон как. Круто.

– Круто, – покорно согласилась та, вставая. Ноги совсем замёрзли, колени ломило. Пора было возвращаться домой. – Только мы другие были, деточка. И жизнь другая. Каждый день, как последний. Нужно было успеть и пожить, и полюбить, и умереть за Родину. Вот и торопились.

Не прощаясь, она ещё раз улыбнулась задумчиво глядящей на неё Вике и медленно зашагала к подъезду.

Одну её, конечно, никто не отпустил. Если от присутствия родственников удалось отказаться, то уже общавшаяся с Евгенией Васильевной женщина-поисковик настояла на том, чтобы ехать с ней. Ох, так и не запомнилось её имя. Неудобно-то как.

Поезд стучал колёсами день за днём. Мимо окон проносился немалый кусок России. Евгения Васильевна подолгу смотрела в окно, видя внутренним взором, как шагают по этим полям и перелескам солдаты, как катятся по этим рельсам теплушки с людьми. Так же по этим дорогам, может, шёл, а, может, ехал Саша. А спустя годы едет она. Догоняет и никак не догонит.

Через два дня была Москва. На вокзале их встретила Мария Викторовна, просто Маша, как она тут же назвалась. После секундной паузы обняла Евгению Васильевну, заглянула в глаза.

– Хорошо, что мы встретились, – сказала она. – И хорошо, что дядя нашёлся. Лучше знать, где его могила, чем не знать вообще ничего.

Нельзя было не согласиться.

Дальнейший путь проделали на машине. Машин муж, грузный одышливый мужчина лет шестидесяти пяти, вел её аккуратно, выбирая дорогу поровнее. А Евгению Васильевну всё больше охватывало нетерпение. То знакомое, но давно забытое, с которым она ждала каждого Сашиного письма, с которым жила первые два года войны. Вот-вот, ну вот-вот же. Напишет, позвонит, приедет. Войдёт в дом, обнимет и всё, больше ничего не будет важно. Она вглядывалась в серое небо за окном и ждала, вот-вот, ещё пара десятков километров, и они наконец встретятся. И не станет войны, смерти, прожитых лет и пролитых слёз. Ничего не станет. И всё будет хорошо.

Большая гранитная плита появилась внезапно. Машина свернула с главной дороги, съехала вниз и мягко затормозила.

– Приехали, – сказала Маша. Её голос звучал неуверенно и как-то испуганно, как у маленькой девочки. Она, словно ожидая разрешения, покосилась на Евгению Васильевну. А та сидела и молча смотрела на серый камень плиты. И не было никаких сил шевельнуться. Сердце вновь привычно зашло леденящей болью, застучало, заколотилось, грозясь выпрыгнуть наружу. Ноги не желали слушаться. Но неизвестная сила, словно магнитом тянула вперёд, туда, к большой братской могиле. Глаза, давно потерявшие зоркость, вдруг стали лучше молодых, взгляд приобрел остроту. И увидел надпись на плите. Пятая сверху строчка. Ровные буквы. Почти такие же, какими он писал письма домой. Никодимов Александр Николаевич, 1924 – 1943. Спина выпрямилась сама собой, Евгения Васильевна выдохнула замёрзший в лёгких воздух. Снова вдохнула, взялась за ручку. Вышла из машины, медленно, неслышно ступая по холодной мокрой опавшей листве, подошла к могиле. Медленно опустилась на колени, положила сухие ладони на ледяной камень и тихо сказала:

– Здравствуй. Вот я и пришла.

За её спиной негромко и надрывно, в тон свисту ветра в ветвях, плакала Маша.

Свинцовые тучи ползли по горизонту. Время утекало сквозь пальцы. Сколько они там стояли – час, два, день? После целой жизни уже не важно. Никто не сказал больше ни слова. И только, когда стало медленно темнеть, Маша, стоявшая и глядевшая с каким-то непонятым выражением на памятник, заговорила.

Евгения Васильевна понимала, та сейчас просто не знает, что именно должна испытывать. Там, под слоем земли вроде и не чужой человек, родной дядька, да вот только не видела она его ни разу, знала со слов отца, никогда не заглядывала в глаза. Имя, память, гордость и преклонение. А для Евгении сейчас не было этих двух метров вниз. Было родное лицо, любимые глаза, живой Саша. Перед внутренним взором вспыхнула картинка. Вокзал, толчея плачущих, смеющихся, кричащих людей. Запах топлива и пота. Поезд, уходящий на фронт. И он, её жених, топчущийся в толпе таких же, молодых, бравадно-радостных и немножко растерянных новобранцев. Он серьёзно хмурит брови, слушая пожилого сержанта, что-то упорно втолковывающего молодняку. Кивает, как все, неловко одёргивает новенькую шинель. В голубых глазах страх. Вот возьмут сейчас, в последний момент и раскроют обман, узнают, что приписал он себе лишний год. И отправят с позором домой, к матери. Он не замечает, что такая же глубоко запрятанная паника проступает и на лицах его товарищей. Не он один такой. Не первый и не последний за предстоящие военные годы.

Женя стоит там, куда отогнали всех провожающих. Плакать нет сил, так тяжело на душе. Да и нельзя. Нельзя, чтобы Саша видел сейчас её слёзы. Потом, дома, в подушку, закусив ладонь, и бесконечно повторяя себе – всё будет хорошо, всё будет хорошо. Но только не сейчас. Она держит за руку мать Саши, которая рыдает, не скрываясь. Ничего, ей можно, она мать. Пусть плачет за двоих. А она, Женя, будет сильной. Это сейчас самое нужное.

Саша вдруг дёргает отвлёкшегося на что-то сержанта за рукав и быстро начинает говорить. На его лице почти умоляющее выражение. Пожилой дядька кидает взгляд в сторону провожающих, вздыхает и неохотно кивает. И Саша срывается с места. Бежит, расталкивая людей, перепрыгивая через чемоданы. Всем всё равно, на него даже не смотрят. У всех тут своё горе.

Он добегает до Жени и останавливается, тяжело дыша. Взгляд шальной, отчаянный. Резко, сильно обнимает мать, целует в щёку. Потом поворачивается к Жене и хватает её за руку. В этом жесте нет нежности, нет любви. Он словно душой, обнажённой, дрожащей, ранимой, обнимает её ладонь. Взгляд глаза в глаза, требовательный и какой-то беззащитный.

– Дождёшься? – спрашивает он на выдохе. Не в силах справиться с голосом, Женя просто кивает. Саша наклоняется и целует и её в щёку. Неловко, впервые. В первый и последний раз. А спустя мгновение отпускает её холодные пальцы и бежит обратно, туда, где уже недовольно притопывает кирзовым сапогом старый сержант.

– Евгения Васильевна, – вырывает её из воспоминаний голос Маши. Та зябко кутается в шаль поверх плаща. Осенний ветер неласков.

– Евгения Васильевна, – повторяет она задумчиво. – Я всё спросить хотела. А как же вас нашли? Ведь вы должны были фамилию поменять, на мужа, например.

Евгения поправила воротник старого пальто и грустно улыбнулась.

– А я не была замужем, милая.

В ответ на недоумённый взгляд Маши пожала плечами и пояснила, как маленькой:

– Я ведь обещала дожидаться Сашеньку. Вот, ждала, каждый день.

Потом наклонилась и, коснувшись рукой в старческих морщинах памятника, сказала тихо, уже тому, чье имя было выбито на плите.

– И дождалась. Вот и слава богу.

Теперь она знала, зачем просыпалась каждое утро, зачем поднималась через боль и непроходящую уже усталость, зачем год за годом несла на плечах тяжесть прожитых лет. Нельзя было уйти, не выполнив самого важного обещания в её жизни. А ещё она знала, что сегодня ночью ей опять приснится знакомый сон. Холм, серое небо и бой внизу. Только теперь она не будет стоять и вздрагивать от каждого удара снаряда. Она раскинет руки и побежит вниз с холма, туда, где среди других, таких же молодых, бесстрашных и самоотверженных, защищает свою страну её Саша. Больше не будет страшно, ведь она точно знает – враг отступит. Отступит, никуда не денется. А она наконец добежит и заглянет в родные голубые глаза. И хмурое небо над головой больше не будет чужим. Разве может быть чужим небо, под которым ты нашла своего любимого?

Постскрипtum. История основана на реальных событиях. Девятнадцатилетнего бойца, родом из Челябинска, нашли в 2017 году на Смоленщине. При помощи тех же поисковых отрядов была отыскана и его невеста, прождавшая своего жениха всю жизнь, и так и не создавшая семью. Женщине на тот момент было уже 93 года. Имена и жизненные обстоятельства героев изменены. Изменены и способы розыска родных погибшего солдата. Почти вся история является авторским вымыслом. Оставлено неизменным самое главное.

Хватай, пока не ушёл

– И вот представляешь, стоит он передо мной, руки в боки, пузо навькат, из ноздрей дым, изо рта зубочистка, и аж трясётся весь. Ты, говорит, не баба, а недоразумение. Ты, говорит, ни готовить, ни постирать, ни убрать, ничего не можешь. Это я-то, представляешь? Я с пяти лет на кухне. У меня мама поваром в административной столовой работала, меня научила всему. И зачем, я спрашиваю? Чтоб таких вот козлов на свою голову откармливать?

Люська закатила глаза и в сердцах хлопнула стопкой чистых листов по стойке.

Алёна промолчала. За последнюю неделю, показавшуюся ей бесконечной, она уже не раз слышала подобные тирады. Люська негодовала. Люська возмущалась. Люська страдала, рьяно нянча поруганное чувство собственного достоинства. Люська развелась с мужем.

За окнами салона красоты вместе с голубыми по стоянке для машин гуляло лето. Шелестело зелёной листвой одиноких городских деревьев, трогало тёплыми пальцами лица прохожих. Шуршало лапами солнечных зайчиков по капотам машин. Хотелось туда, к нему, на волю. Алёна наблюдала, как мерно взмахивая метлой, убирает парковку дворник дядя Витя, и чувствовала, как ошутимо давит на неё толстое оконное стекло. Что-то с дядей Витей было не так, что-то казалось странным, цепляло сознание, но, измочаленное скукой и жарой, оно напрочь отказывалось работать. Алёна вздохнула и отвернулась.

– Шагай, говорю, к маме, если я не устраиваю, – продолжала делиться переполняющим её негодованием Люська. – Ишь, нашёлся эстет. Курица ему видите ли, пересоленная, а носки не постиранные.

Она прервалась, доцокала каблукчиками до кулера в углу и налила воды.

– А зачем ты вообще за него замуж выходила? – спросила Алёна вяло. – Любила сильно?

– Я? – Люська чуть не подавилась, закашлялась и вытаращила глаза. – Любила? Детка, если жизнь мерять любовью, то после двадцати пяти закончишься как женщина. Я выбирала, примеривалась, присматривалась. Думала, сделаю хорошую партию. А он взял и обломал всё. Ну не козёл?

– Риторический вопрос, – Алёна пожалала плечами. Мужа Люськи она не видела ни разу и определить его принадлежность к какому-либо биологическому виду не взялась бы.

– Я ж его здесь и отхватила, – сказала Люська. – Вот точно так же сидела на ресепшене, клиентам улыбалась, а тут он. Весь из себя приодетый, при машине. Ну, думаю, хватай, пока не ушёл. А он вон как. Даже работу не разрешил бросить. Нечего, говорит, дома на диване бока отращивать. Это мне-то. Разве мне грозит? Разве ж я хоть в каком-то месте толстая?

Алёна окинула взглядом высокую тощую жгуче-брюнетистую Люську и покачала головой.

– Нет. У тебя прекрасная фигура.

– Вот и я о том же! – Люська торжествующе вскинула руку. – Он ещё пожалеет. Обо всём пожалеет.

Дядя Витя за окном перестал мучить метлу и зашагал к чёрному ходу салона. Его спина в потёртой футболке была привычно согнута.

«Сколько ему лет?» – промелькнуло в голове у Алёны. «Тридцать, сорок, пятьдесят?»

По его вечно склонённой голове с седыми висками было не понять. А бомжеватая одежда и непроходящий запах перегара напрочь отбивали желание разобраться.

– Ты бы тоже не терялась, – выдернула Алёну из размышлений Люська. Важно постукала кровавым маникюром по стойке ресепшена. – Тут такие экземпляры иногда попадают – просто отпад.

– Как у тебя? – не удержалась Алёна. Пронзительный голос Люськи вкручивался в отупевший мозг. До конца рабочего дня было ещё четыре часа, а уже хотелось бросить всё и бежать из этого стеклянно-пластикового ада.

Люська критически оглядела тощенькую маленькую фигурку Алёны, длинные пепельные волосы, завязанные в хвостик, серую маечку и жалобно просвечивающие голубыми венками птичьи запястья с бисерными браслетами. Потом вынесла вердикт.

– Не. Так, как у меня не получится. Тебя в порядок бы привести – вот тогда... Ничего, я, когда сюда работать пришла, тоже абы как выглядела. Потом ничего, примарафетилась. Салон красоты как-никак. Вон, к Катке сходила за маникюрчиком, к Олечке за причёской.

Её глаза вдруг вспыхнули предвкушающим азартным блеском.

– А давай-ка мы и тебя приведем в порядок. Поговорю с девчонками и завтра из тебя конфетку сделаем. А то что, в самом деле, администратор в салоне и в таком виде.

Алёна работала администратором вторую неделю. И уже искренне ненавидела и работу, и бело-фиолетовую стойку с телефоном, и неработающий кондиционер, и незатыкаемую Люську. А та уже загорелась. Попранная мужем-козлом женская гордость требовала восстановления. Люське хотелось доказать себе и всему миру заодно, что она самая добрая, самая щедрая, самая замечательная, а вот он, мерзавец, ещё пожалеет. Молчаливая Алёна была прекрасным объектом для самоутверждения.

Дядя Витя вынес из дверей чёрного хода какую-то коробку и поставил на асфальт. Затем выпрямился и почесал затылок. Тоскливый бездумный взгляд Алёны зацепился за его лицо, и она вдруг поняла, что в нём не так. Он был выбрит. И, кажется, трезв.

Вязкую одурь пустого холла разодрал резкий телефонный звонок.

– Салон красоты «Афродита», администратор Людмила, здравствуйте, – пропела Люська в трубку приторным голоском. Затем её глаза округлились, она судорожно схватила блокнотик с расписанием клиентов и затараторила:

– О, конечно, разумеется. Нет-нет, мы найдем место, не волнуйтесь. Ничего страшного. Когда вы сказали, через десять минут? Мы ждём, да-да, будем счастливы видеть. До свидания.

Она бросила трубку на стойку и повернулась к Алёне.

– Ты не представляешь, кто сейчас к нам приедет, – выдохнула она восторженно. – Это сам Грачёв!

– Кто? – не поняла Алёна. Мысли, прерванные звонком, перепутались, смешав в кучу Люську, жару, бритого и трезвого дядю Витю.

– Сам Грачёв, – повторила Люська. – Киноактёр, солист, известный сердцеед. Представляешь, у него что-то там случилось с личным парикмахером, а ему срочно нужна причёска, вот он и позвонил. Ой, мать!

На последнем слове она взвизгнула и подпрыгнула. Алёна тоже подскочила.

– Он же через десять минут будет здесь, а у нас у Олечки запись. Звони скорей клиентам, переноси их куда-нибудь.

Она рванула в парикмахерский зал, где немедленно поднялся галдёж и суета, потом на кухню, заказать кофе важному гостю, потом ещё куда-то. Алёна послушно обзванивала клиентов, уговаривала, извинялась, обещала, предлагала. А в голове крутилась почему-то не отстающая мысль – с какой радости дядя Витя сегодня побритый?

– Тьфу, – ругнулась она сама на себя, заметив через стекло, как на стоянку въезжает снежно-белая Ауди. – Нашла о чём думать.

Люська впорхнула за стойку, нацепила на лицо самую радостную улыбку из всех возможных и прошептала, не разжимая губ:

– Вот мужик так мужик. Самое то. И холостой. Не тушуйся, хватай, пока не ушёл.

Киноактёр был хорош. Нет, не так. Он был изумительно хорош. Небрежная вальяжность походки, томный взгляд из-под длинных ресниц, чёткий подбородок. И сногшибательная аура

обаяния. Люська нервно дёрнулась, откашлялась и внезапно охрипшим голосом пригласила его пройти к мастеру.

– Кофе? – спросила она. Киноактер и солист вздёрнул бровь.

– А у вас есть приличный кофе?

– О, конечно, – Люська метнула взгляд на Алёну. – Сейчас наша администратор...

Киноактёр не дослушал. Отмахнулся, брезгливо сощурился.

– Несите. Куда пройти?

– Пожалуйста.

Он шагнул в распахнутую дверь зала, где царил сейчас выжидающая восхищённая тишина. Три девушки в форменных халатиках устали на Грачёва. Он остановился.

– Я что, буду стричься, а на меня тут глазеть будут? – раздражённо уточнил он. Голос у него был красивый, бархатный и низкий. От такого мурашки по коже и сердце в пятки.

– Нет-нет, – засуетилась Люська. – Девочки, на выход! Не мешайте работе. Знакомьтесь, ваш мастер, Ольга.

Киноактёр, не глядя, кивнул, сел в кресло перед порозовевшей от смущения Олечкой, и бросил:

– Дверь закройте. И где там ваш кофе?

– Разумеется, одну минуту, – Люська торопливо прикрыла дверь и по-змеиному зашипела на Алёну:

– Чего ты встала? Скорей давай. Видишь, какой капризный клиент.

– Противный он, – сказала Алёна.

– Ой, что б ты понимала! – фыркнула Люська. – С такой внешностью и деньгами он нам тут может хоть ковровую дорожку требовать. Нет, ну какой мужик. Всё, иди за кофе. Смотри, понесёшь ему, не забудь улыбаться. И вообще, преподнеси себя, глазками поиграй, повздыхай, ещё как-нибудь. Сокровище же. Хватай, пока не ушёл.

Спорить не хотелось. Ничего не хотелось. Алёна ушла на кухню и включила кофемашину. Та заурчала, зарычала, зафыркала. Алёна погладила её по тёплому пластиковому боку. Кажется, это самое полезное существо во всём этом салоне.

Кофе пах приятно. Алёна налила его в стеклянную чашечку, положила на поднос салфетку и блюдечко с печеньем. Вдохнула, выпрямила спину и отправилась в парикмахерский зал.

Дверь открыла бесшумно. Здесь было прохладней, не то, что на ресепшене. В воздухе висел запах шампуня и лака. И осязаемое кожей напряжение. Алёна застыла с подносом у дверей.

– Это что такое? – прошипел киноактёр и солист, глядя на Олечку. Та, багровая от смущения и растерянности, открывала и закрывала беззвучно рот.

– Это что такое, я вас спрашиваю? – шипение перешло в рычащий визг. Все бархатные нотки исчезли, как и не было.

– Я всё делала, как вы показали, – пролепетала Олечка, тыкая пальцем в фотографию Грачёва, прислонённую к зеркалу. – Посмотрите, вот.

– Девушка, вы что, умственно отсталая? – рявкнул киноактёр. – Где должна прядь лежать? Не видно, что ли? Так очки наденьте, если зрение плохое.

– Но ведь...

– Вы ещё спорить будете? – взорвался киноактер. – Вы ничтожество, какая-то парикмахерша, испортившая мне дорогущую причёску. Вы неудачница и провинциалка с кривыми руками. Вы...

Олечка покорно стояла перед разошедшимся красавцем. На глазах у неё показались слёзы. Она молчала и кусала губы.

– Что случилось? – в зал вбежала встревоженная Люська, окинула взором представшую картину и кинулась к киноактёру:

– Простите, пожалуйста, мы сейчас всё исправим!

– Что вы исправите?! – орал тот. – Набрали недоучек и радуются. Я ваш салон закрою, я ему такую рекламу сделаю – никто сюда больше ни ногой.

– Пожалуйста, успокойтесь, – ворковала побледневшая Люська, пытаясь вывести киноактера из парикмахерского зала. – Конечно же, мы всё компенсируем. Не надо так волноваться, прошу вас.

В дверях, чуть не сбив с ног Алёну, актёр затормозил, обернулся и ткнул пальцем в Олечку:

– А эту уволить. Иначе...

– Конечно-конечно, – Люська придержала ему дверь, кинув страшный взгляд на Олечку. – Разумеется, завтра же.

Створки за ними сомкнулись. Олечка села в кресло и беззвучно заплакала, вытирая лицо пухлыми маленькими ручками. Алёна поставила уже никому не нужный поднос на первую попавшуюся поверхность и подошла к ней. Олечка подняла мокрые несчастные глаза:

– Я ведь всё правильно сделала, – пробормотала она. – Точно как на фотке. Там же просто всё. Чего он завёлся?

– По морде б ему дать, по красивой, – сказала Алёна.

В зал тяжело вошла Люська. Шикнула на кого-то любопытного, пытавшегося прорваться следом, плотно прикрыла дверь и плюхнулась в ближайшее кресло.

– Вот урод, – прокомментировала она со вздохом. – Еле уломала, чтоб шум не поднимал. Орал, что в суд подаст на салон.

Олечка разрыдалась ещё горше. Люська кинула на неё хмурый взгляд и сообщила:

– Да не вой ты, не уволим. Где хозяйка себе мастера искать будет? У тебя же запись на две недели вперёд. Ну, оштрафует, поорёт. Не ты первая, не ты последняя. И он не последний такой.

– Я же всё правильно делала, – всхлипнула Олечка. – Всё-всё, как на его фотке.

Люська помолчала. Алёну вдруг невыносимо замутило. Казалось, терпкий запах косметики, переполняющий салон, серыми щупальцами пробирается в горло, перекрывая доступ воздуху.

– Я пойду, подышу, – буркнула она, стремительно вылетая в дверь.

Чёрный ход был ближе. Да и шанс столкнуться с кем-то казался меньше. Алёна обессилено села на ступеньки, чувствуя, как приятно холодит ветерок горячие щёки. Пусть тёплый, зато живой, движется. Дышит

– Ты чего это сидишь? – раздалось у неё над головой. – Плохо, что ли?

Она подняла голову. Над ней стоял дядя Витя и шурился от яркого солнца.

– Дядь Вить, – спросила она вместо ответа, – А ты чего сегодня при параде?

На нём была чистая футболка и постиранные штаны. И, действительно, не пахло привычным перегаром.

– Меня сегодня жена ждет, – важно сообщил дядя Витя, садясь рядом на ступеньку.

– А, – сказала Алёна. И подумала – как всё просто.

– Вот сейчас доубираюсь здесь, да и поеду, – продолжил дворник, рассматривая что-то вдали, за стоянкой.

– Так рабочий день ещё не кончился, – пробормотала Алёна. – Отпросились, что ли?

– Отпросился. А то не успеть, ехать-то далеко.

По небу плыли крошечные прозрачные облака. Таяли, как мороженое, в глухой яркой синеве, рождались снова, торопились, играя друг с другом в пятнашки и зависали на одном месте. Алёна смотрела в небо пустым взглядом. Возвращаться в салон смертельно не хотелось.

– А почему далеко ехать? – вдруг спросила она у дяди Вити. Мысль о том, что снова что-то кажется неправильным чуть взбудрила и отвлекла. – Вы же на соседней улице живёте.

– Я да, – согласился дворник. – А жена за городом. На кладбище. Пятнадцать лет уж как. И я к ней езжу туда.

– Часто? – тихо спросила Алёна. Это почему-то показалось важным.

– Да, каждую неделю, – сказал дядя Витя. – У меня ж никого, кроме неё, нет. Люблю я её, старуху мою. Вот и езжу.

– Вы о ней, как о живой, – сказала Алёна.

– Эх, милая, – вздохнул дядя Витя, поднимаясь. – Когда любишь, оно уже без разницы – живой, мёртвый. Всё одно рядом да вместе. Ну, пойду я, мне ещё дела делать надо.

Он зашагал куда-то к дороге, а Алёна всё смотрела и смотрела в обтянутую потрёпанной футболкой спину. Потом подняла глаза. С крыши соседнего дома стремительно взмыл вверх голубь, серой тенью запутался в солнечных лучах и пропал, потонув в бездонной синеве.

– Хватай, пока не ушел, – вспомнилось Алёне. Она вздохнула и опустила глаза. Дяди Вити уже нигде не было видно.

Ожидание чуда

Саша проснулась от непривычного ощущения. Что-то было не так. Она, не открывая глаз, потянула носом воздух. Да нет, ничем не пахнет. Прислушалась. Из квартиры соседей доносилась музыка, впрочем, едва различимая. Кажется, там жил музыкант. Под окном гудели машины. Ничего необычного. Но ощущение неправильности не исчезало, обнимало за плечи, стягивало одеяло, торопя вставать. Саша послушно выбралась из тёплого плена кровати, пробежалась босиком до кухни и забралась с ногами на стул. Дотянулась через стол до кофеварки, заставив её зафыркать, и задумалась. Странное чувство маленьким ёжиком ворочалось в душе, будоража и покалывая прохладными иголочками. Саше вдруг показалось, что ей десять лет и завтра Новый год, с подарками, ёлкой, счастливым смехом и песенками вроде «В лесу родилась ёлочка...». Она даже головой тряхнула, избавляясь от наваждения. Ну какой Новый год, до него ещё два месяца. И ей уже не десять, а немножко больше. Раза так в два с половиной. Тряхнула и тут же замерла от мелькнувшей догадки. Она поняла, что за странное ощущение преследует её всё утро. Ожидание чуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.